

Калмыцкие бытовые сказки (из репертуара сказителя Шани Васильевича Боктаева)

Kalmyk Household Fairy Tales (from the Repertory of the Taleteller Shani V. Boktaev)

*И. С. Надбитова (I. Nadbitova)*¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: nad-irina@mail.ru
Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Department of Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: nad-irina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению бытовых сказок из репертуара сказителя Шани Васильевича Боктаева. Сюжеты соотнесены со «Сравнительным указателем сюжетов», подготовленном на материале восточнославянских сказок. В результате анализа автор приходит к выводу, что сюжеты, имеющие мировое распространение, в калмыцких сказках имеют специфическую интерпретацию и этническую наполненность, обусловленную своеобразием калмыцкой сказочной традиции.

Ключевые слова: репертуар, исполнитель, бытовые сказки, сюжет, Сравнительный указатель сюжетов.

Abstract. The article studies household fairy tales from the repertory of the taleteller Shani V. Boktaev. The plots were identified according to the Comparative Index of Plots developed with evidence from East Slavic fairy tales. The author's analysis results in a conclusion that plots distributed world-wide are characterized by a specific interpretation and ethnic contents — when applied in Kalmyk fairy tales — which is due to the peculiar nature of the Kalmyk fairy tale tradition.

Keywords: repertory, performer, household fairy tales, plot, Comparative Index of Plots.

Сказки являются неотъемлемой частью фольклорного богатства народа. Сказочный жанр калмыков представлен следующими видами: богатырские, волшебные, сказки о животных, бытовые и кумулятивные сказки.

Зафиксированные тексты, сведения об исполнителях и воспоминания информантов свидетельствуют о том, что сказка бытовала

среди калмыков повсеместно. Волшебные и богатырские сказки сказители называют *ут тууль* (букв. ‘длинная сказка’), бытовые и о животных — *ахр тууль* (букв. ‘короткая сказка’). Для различения внутрижанровых разновидностей калмыцкие фольклористы ввели в научный обиход следующую терминологию: богатырские сказки (*баатрлг туульс*), волшебные сказки (*сидтэ туульс*), бытовые сказки (*бэдэцин туульс*), сказки о животных (*аң-аһрусна туск туульс*), кумулятивные сказки (*кумулятивн туульс*).

В научных трудах отечественных фольклористов Ю. М. Соколова [1941], В. П. Аникина [1959], Э. В. Померанцевой [1965], В. Я. Проппа [1984] рассмотрены вопросы генезиса бытовой сказки, определены ее основные черты, изучены проблемы типологии сюжетов, мотивов и образов, охарактеризованы аспекты идейно-художественного содержания.

Выбор темы данной статьи обусловлен малой степенью изученности разновидности бытовой сказки в калмыцкой фольклористике, хотя, как показывает история собирания и изучения сказочного материала, работа по фиксации фольклорных текстов началась еще в XVIII в.

Материалом исследования послужили полевые материалы автора и калмыцкие бытовые сказки из книги «Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев» [2010]. Это издание является продолжением серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), в которой издаются лучшие образцы устного народного творчества калмыков. Все тексты публикуются без правки, с сохранением подлинной народной речи и диалектных форм языка, в соответствии с принятыми правилами издания фольклорных текстов для сборников подобного типа.

Репертуар талантливого сказителя Шани Васильевича представлен разными жанрами фольклора: сказки, легенды и предания, песни, пословицы и поговорки, загадки, предсказания и приметы, анекдоты, небылицы, а также устные рассказы, записанные учеными Института на протяжении нескольких лет.

Шаня Васильевич Боктаев родился в 1933 г. в п. Сарпа Кетченеровского района. В семье было пятеро детей, отец — Бокта Дардунович Васильев — до войны работал в колхозе, мать — Ота Мен-

кенасуновна Басангова — вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. В 1941 г. отец ушел на фронт и, защищая Родину, геройски погиб. В 1943 г. калмыцкий народ был насильно депортирован в Сибирь. Семья Шани Васильевича была выслана в Алтайский край, где, тяжело заболев, умерла его мать. Рано оставшись сиротами, малолетние дети были вынуждены зарабатывать себе на жизнь: работали в колхозе подсобными рабочими, пасли скот. Поэтому и не удалось Шане Васильевичу получить даже начальное образование в школе. Все образцы калмыцкого фольклора, записанные от знатока, сохранены только благодаря его исключительной памяти. Вспоминая годы ссылки, Шаня Васильевич говорил: «Уже поздней ночью, когда родственники после трудового дня от мала до велика ложились спать, меня просили рассказать сказку или легенду. Я начинал рассказывать и время от времени спрашивал: „Слушают ли кто?“ и, если мне отвечали: „Слушаем, слушаем!“, я продолжал рассказывать. И так рассказывал, пока на мой вопрос „Слушаете ли?“ не слышал ответа. Убедившись, что все заснули, я тоже засыпал» [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 8].

Шаня Васильевич — уникальный по своему исполнительскому мастерству сказочник, мудрый и ироничный повествователь, прекрасный знаток устного народного творчества. Во время исполнения он мог разыграть диалог персонажей интонационно, жестами, движениями, мимикой, сохранив при этом общий смысл сюжета. Богат и выразителен язык его сказок, красочно и точно передающий занимательную фабулу сюжетов.

В разделе «Бээцин туульс» («Бытовые сказки») помещено 22 текста. Одна из сказок была записана в 2007 г. в г. Элисте — «Тавн тө сахлта нег тө өвгн» («Старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей») [ПМА]. Сюжет соотносится с типом 1640 «Фома Беренников»: старуха доит корову, старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей убивает одним ударом пять мух. Далее он пишет записку, что ищет врага, чтобы сразиться, и пускает ее по ветру. Ее находит богач-богатырь, приходит к старику, предлагает помериться силой в трех состязаниях. Старик обманом и хитростью побеждает его [ПМА].

В восточнославянских сказках мнимый силач Фома Беренников (Фома, широкая борода, Федор Набилкин) одним ударом убивает

семь мух, объявляет себя могучим и сильным, ему повинуются настоящие богатыри. Он побеждает неприятелей, женится на царевне.

Следующий любимый сказочный персонаж — остроумный и находчивый старик из социальных низов Кеда с бараном, у которого белое пятно на лбу («Кер һалзн хуцта Кедед гидг өвгн»). Сюжетное строение сказки основано на занимательном диалоге персонажей. Приведем краткий пересказ: старик верхом на баране отправляется в путь, по дороге находит высохшую баранью лопатку. Входит в кибитку, где живет старуха с тремя незамужними дочерьми; хозяйева предлагают старику ночлег. Он опасается, что овцы съедят его барана. Старуха обещает отдать всех овец, если утром в загоне не окажется барана; старик соглашается. Ночью они готовят мясо, старик незаметно кладет в котел баранью лопатку. Перед этим старуха обещает отдать все мясо, если лопатка старика окажется пустой. В итоге старику достается ужин.

Во время ночлега старик собирается лечь в одежде. Старуха обещает отдать трех дочерей, если его бешмет окажется разорванным. Когда все засыпают, старик забивает своего барана, овец измазывает кровью, затем разрывает свой бешмет на лоскуты и мастерит три куклы. Утром он получает отару овец и трех девушек. Позже перевозит к себе и старуху, живет счастливо и благополучно [ПМА].

Сказка «Хатуч хар байн» («Жадный богач Хара») — 1004 «Волеы в болоте утопились» (не имеет полного соответствия, представлен как эпизод). Юноша отрезает хвосты у волов, втыкает их в землю, волов угоняет, а хозяевам говорит, что волеы пьют воду. В русских сказках свиньи (овцы, волеы) в болоте (озере) утопились: батрак, отрезав у свиней хвосты и воткнув в болото, продает свиней купцам (втыкает в болото клочки овечьей шерсти, овец угоняет).

Сюжетные типы 875 «Семилетка, 921 «Умная невеста» представлены сказками «Байн өвгн ухата бер хойр» («Богатый старик и умная невестка») и «Нег байн көвүндән хадмд хээснэ тускар» («О том, как один богач женил своего сына»). Основными мотивами сказок о мудрой девице являются мотивы загадок и трудных задач. Отец женит глупого сына и, чтобы проверить невестку, задает задачи своему сыну: определить корень и конец ветки, привести двухголовую лошадь. Умная невестка помогает мужу: ветку кладет в воду,

советует поймать жеребую кобылу. Отец понимает, что женил сына на умной девушке [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 93].

По мнению В. Я. Проппа, «связь (бытовой сказки — *И. Н.*) с волшебной сказкой довольно очевидна. Композиционный стержень ее — задавание трудных задач, брак и воцарение. Задача состоит из загадок, которые имеют скрытый житейский и философский смысл» [Пропп 1984: 257]. В рассматриваемой сказке мотив трудных задач следует уже после брака.

В сказке «Нег байн көвүндэн хадмд хээснэ тускар» (875 «Семи-летка») один богач отправляется на поиски невесты своему сыну, встречает девушку из бедной семьи и, чтобы проверить ее ум, задает задачи: приготовить еду в деревянном котле, подоив быка, подготовить *араку*. На следующий день девушка просит отца не вставать, богачу говорит, что отец рожает. На вопрос, может ли мужчина родить, девушка отвечает вопросом, можно ли получить молоко у быка. Богач понимает, что она умна и сватает своему сыну [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 95–96].

Следующая сказка «Байн өвгн көвүндэн герэсэн келж» («Богатый старик своему сыну завещание сказал»); 910А «Ум от бедствий». Перед смертью отец наказывает своему сыну: «Каждый день обувай новые сапоги, в каждом хотоне строй дом, каждый месяц женись». Сын буквально выполняет наказы отца и от этого беднеет. Далее он обращается к старику-мудрецу и с его помощью познает заветы, становится богатым [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 94].

В восточнославянских сказках: не посещай часто друзей, не женись на девушке из далекой местности, не верь коню в дороге, а жене дома; на опыте герой познает мудрость этих советов [СУС 1979: 228].

Сказку «Шулм залу хойр марһж» («Шулмус и мужик состязались») можно отнести к сюжетному типу 1091 «Кто приведет более необыкновенное животное»: шулмус приезжает на козе, мужик приводит жену; шулмус не может отгадать, мужик выигрывает [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 88].

В тексте «Эрэн Сэн Эдг» («Лучший из мужчин Эдег») повествуется о ловком и хитром человеке, победившем огромного шулмуса по имени Андалва [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 89–90].

«Яһж нег байн көвүндэн сурһмж өгч» («Как один богач своему сыну поучение давал») на сюжетный тип 981А** Обедки: отец приказывает сыну привезти из путешествия обедки хлеба; они спасают его и товарищей от голодной смерти во время бурана [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 95].

В репертуаре Шани Васильевича есть еще одна популярная калмыцкая сказка — «Долан хожһр, нег түжһр» («Семь лысых, один коротковолосый»). Главный персонаж вариантов этого сюжетного типа хитрец — 1539 «Шут»; 1537 «Мертвое тело» (как эпизод) — своими проделками и обманом доводит людей до преступлений и гибели. «Подобные сказки порождены стремлением к озорству. В основе своей это стремление есть показатель некоторой силы, которую некуда девать, которая не находит себе применения» [Пропп 1984: 282].

О глупцах повествуется в сказках «Генн көвүнэ туск» («О глупом парне»), «Генн залу» («Глупый мужик»), «Хар һосинь тээлэд, улан һосинь өмскчкв» («Сняв черные сапоги, надел красные сапоги»). В первой сказке друзья юноши спрашивают, сможет ли он поднять камень, если поджечь его докрасна. Глупец соглашается. Ребята, собрав кизяк, разжигают огонь вокруг камня. Глупый юноша поднимает камень и погибает [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 98].

В тексте «Хар һосинь тээлэд, улан һосинь өмскчкв» («Сняв черные сапоги, надел красные сапоги») два старших брата отправляют младшего брата-дурака пасти овец. Поднимается ветер, овцы уходят по его направлению, глупец ломает животным копыта и возвращается домой. Братья спрашивают: «Где отара?», младший отвечает, что овцы лежат, так как, сняв черные сапоги, он надел им красные [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 98].

По мнению Б.-Х. Б. Цыбиковой, ситуации из бытовых сказок могли иметь место в жизни, «они художественно перерабатываются и, оформляясь в сказку, исполняются сказителями как произведения, осуждающие и высмеивающие тупых, ограниченных людей, не имеющих элементарных знаний, не владеющих практическими навыками трудовой деятельности» [Цыбикова 1993: 9].

В сказке «Өркэр орсн кишгэн авнав, үүдэр орсн кишгэн авхшв» («Счастье, вошедшее через дымовое отверстие, приму, счастье, во-

шедшее через дверь, не приму») Шаня Васильевич объясняет смысл калмыцкой пословицы: несчастливому человеку хоть пальцем в рот заталкивай [счастье] — не войдет, счастливому человеку [счастье] само в рот попадет [Алtn чеежтэ келмрч 2010: 99].

В тексте «Тэвэдтэ хурвн өвгн» («Три пятидесятилетних старика») — 921E** «Почему голова сидит вперед головы?» (как эпизод) повествуется о том, как три мудрых старца выигрывают состязания у богача, получают в награду золото. В отличие от других вариантов на этот сюжетный тип, где помощник хана задает два вопроса («Что такое Вселенная?» и «Что такое смена времени?») в сказке, рассказанной Шаней Васильевичем, слуга жадного богача задает лишь один вопрос — «Что такое смена времени?» [Алtn чеежтэ келмрч 2010: 99–100].

Итак, бытовые сказки до сих пор исполняются калмыками и представляют живую разновидность сказочного жанра. Одна из причин — близость их тематического содержания к реальной жизни народа. Вместе с тем реализм бытовых сказок условный, развитый сюжет и диалоги, действующие лица и социальные отношения героев преломлены сквозь призму исторического пути народа, особенности кочевого образа жизни.

В данной работе сюжеты бытовых сказок из репертуара Шани Васильевича Боктаева соотнесены с сюжетными типами «Сравнительного указателя сюжетов», что позволило установить специфику интерпретации международных сюжетов и этническую наполненность, обусловленную своеобразием калмыцкой сказочной традиции. И можно согласиться с мнением, что «чем богаче духовно современный сказочник, чем он наблюдательнее и психологически тоньше, чем он талантливее на слово, чем лучше он владеет мастерством передачи сюжета, тем ближе его сказка к устной новелле или даже к повести, а иногда и к сатире» [Соболева, Каргаполов 1993: 19]. Пример тому — бытовые сказки из репертуара Шани Васильевича Боктаева, талантливого знатока устного народного творчества калмыков.

Источники

ПМА – Полевые материалы автора. Исполнитель Ш. В. Боктаев, 1933 г/р., уроженец п. Сарпа Кетченеровского района Калмыкии.

Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На рус. и калм. яз.

Sources

Author's field data. [Narratives recorded from] tale teller Sh. V. Boktaev, b. 1933, native of Sarpa village (Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia, Russia). (In Kalm. and Russ.)

Mandzhieva B. B. (comp.) Shanya Boktaev (Boktan Shanya): The Guardian of Folk Wisdom. B. Mandzhieva (foreword, comment., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 172 p. (In Russ. and Kalm.)

Литература

Аникин В. П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР. 1959. 256 с.

Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.

Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. 336 с.

Соболева Н. В., Каргаполов Н. А. «Художественный мир русской народной новелистики // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1993. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1941. 559 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Цыбикова Б.-Х. Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1993. 22 с.

References

Anikin V. P. The Russian Folktale. Teacher's manual. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 256 p. (In Russ.)

Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. The East Slavic Folktale: A Comparative Directory of Plots. Leningrad: Nauka, 1979. 438 p. (In Russ.)

Pomerantseva E. V. The Fate and Fortunes of the Russian Folktale. Moscow: Nauka, 1965. 220 p. (In Russ.)

Propp V. Ya. The Russian Folktale. Leningrad: Leningrad State University, 1984. 336 p. (In Russ.)

Soboleva N. V., Kargapolov N. A. (comps.) The Imaginative World of Russian Folk Novelistics. Novosibirsk: Nauka, 1993. 304 p. (In Russ.)

Sokolov Yu. M. Russian Folklore. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 559 p. (In Russ.)

Tsybikova B.-Kh. B. Buryat Household Tales: Plot Structure, Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1993. 22 p. (In Russ.)